

ОТ РЕДАКЦИИ

Средневековая Русь — а именно ей посвящен предлагаемый вниманию читателя номер — задает столь обширное, многообразное, да вдобавок и привлекательное для широкой публики исследовательское поле, что не остается никакой надежды охватить его целиком или хотя бы очертить основные современные направления в его изучении. Культурное единство огромного хронологического периода, именуемого допетровской Русью, не вызывает сомнений, но столь же несомненно и кардинальное различие между такими, например, его отрезками, как домонгольское время, XIV столетие и эпоха Ивана Грозного. Сама парадоксальность подобного положения дел допускает два возможных пути формирования тематического номера.

Один из них предполагает сосредоточенность на своеобразных «длинных линиях» истории, долгоживущих культурных тенденциях, охватывающих если не все русское Средневековье, то, во всяком случае, значительную его часть. Другой путь может быть охарактеризован скорее как «метод высвеченных пятен», когда под одной обложкой собраны статьи, где предлагаются новаторские решения проблем, на первый взгляд частных, но на деле весьма репрезентативных для понимания как природы очередного витка древнерусской жизни, так и состояния научных исследований в соответствующей области.

В целом мы отдавали предпочтение второму пути, отнюдь не чуждаясь первого. Сложилось так — и в этом отношении структура номера, на наш взгляд, соответствует некоему положению дел в эпоху Средневековья, — что преемственность и долгосрочность нагляднее всего можно показать, исследуя структуру власти, механизмы ее передачи и манифестации (ср. статьи **Б. А. Успенского**, **А. Ф. Литвиной** и автора этих строк). Мир рода и мир династии, взаимодействие которых также прочерчивает отдельную линию в истории допетровской Руси, с разных сторон затрагиваются в работах **Р. И. Ханукаевой**, **А. Л. Корзинина** и **А. В. Майорова**. Хрестоматийная тема отношений древнерусского государства с его ближайшими соседями перерастает в рассказ о многоликости самой Руси в эпоху Средневековья и неоднозначности такого явления, как соседство, идет ли речь о половцах (**К. И. Гуревич**), Польше и Великом княжестве Литовском (**С. В. Полехов**) или даже о татарах, как это происходит в уже упомянутой нами статье **А. В. Майорова**, — вообще говоря, не только она, но и другие представленные в номере тексты могли бы быть отнесены одновременно к нескольким тематическим блокам; это сложно организованное единство только радует составителя и, надеемся, вызовет интерес у читателя.

Многое в подборе статей определяла и возможность продемонстрировать ту целостность гуманитарного знания, которая отличает лучшие отечественные исследования собственной ранней истории. Искусствовед оказывается вовлечен в ономастическую проблематику (работа **С. Г. Зюзовой**), лингвист уточняет наши представления о социальном устройстве древних Новгорода и Пскова (исследование **А. А. Гиппиуса**), текстологические проблемы спрашиваются с проблемами исчисления времени (**А. А. Фитискина**), а история текстов, история вещей и история событий времен татаро-монгольского нашествия неразделимым образом переплетаются друг с другом (статья **А. В. Лаврентьева**).

На фоне этой общей междисциплинарности только выигрывают, на наш взгляд, «монохромные» работы — от нового взгляда на слово, характерное для позднесредневековой деловой письменности (**А. Золтан**), до публикации доселе неизвестной грамоты Стефана Батория (**А. Л. Лифшиц**) и рецензии на научное издание первой части диссертационного труда шведского пастора Бергиуса, создававшегося в самом конце интересующей нас эпохи, на рубеже XVII–XVIII вв. (**А. А. Преображенская**).

Ф. Б. Успенский